

СОНА СКОФИЛД

РАЗВОД

СЕМЕЙНОГО ПСИХОЛОГА.
СОВЕТОВ НЕ БУДЕТ



Сона Скофилд

Развод семейного психолога. Советов не будет

<https://litres.ru/74184998>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я семейный психолог. Восемнадцать лет мы с мужем учили другие пары говорить правду. А потом я узнала, что семь месяцев он мне изменяет. Его предложение оказалось еще хуже признания: полгода изображать счастливую жену ради многомиллионного контракта.

Если я уйду сейчас, под ударом окажутся общий центр, сотрудники и привычная жизнь нашей пятнадцатилетней дочери. Если соглашусь, придется продавать людям ложь и улыбаться рядом с мужчиной, который уже выбрал другую.

Я не собираюсь спасать этот брак. Но сначала мне предстоит вернуть право на собственное имя — пока муж не убедил публику, что наш развод доказывает мою профессиональную несостоятельность.

Максим Орлов не верит красивым историям об идеальных семьях и не предлагает решить за меня все проблемы. Он просто делает то, что обещал. И именно поэтому рядом с ним особенно страшно снова поверить мужчине.

Советов не будет. На этот раз я выбираю себя.

Содержание

Глава 1. Советов не будет	5
Глава 2. Цена идеальной пары	18
Глава 3. Раздельные адреса	29
Глава 4. Человек, который не верит психологам	39
Глава 5. Публичная версия	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сона Скофилд

Развод семейного психолога.

Советов не будет

Глава 1. Советов не будет

В семь сорок две вечера я остановила запись и попросила Романа повторить последнюю фразу.

— Еще раз? — Он остался сидеть под лампами, хотя оператор уже снял наушники. — Там все нормально.

— Ты обещаешь, что после нашего курса супруги научатся слышать друг друга за шесть недель. Мы такого не обещаем.

— Мы обещаем инструменты.

— Тогда так и скажи.

Роман посмотрел на часы над дверью студии. Стрелка приближалась к восьми. В девять нас ждал столик в ресторане на Рождественской, и еще утром муж прислал мне фотографию подтвержденной брони с подписью: «Восемнадцать лет — серьезный срок». Я ответила, что освобожусь вовремя. Теперь его раздражение казалось обычной спешкой.

— Хорошо, — сказал он оператору. — Пишем: «За шесть недель вы освоите приемы, которые помогут обсуждать конфликт без взаимных обвинений». Арина Сергеевна одобряет?

— Одобряет.

Он улыбнулся в камеру. Когда-то мы вместе пересматривали записи и спорили о каждой мелочи в его подаче. В последние месяцы Роман проверял только цифры просмотров.

Дубль занял четыре минуты.

— Все, — сказал оператор. — Завтра соберу черновой монтаж.

Роман поднялся первым.

— Я переоденусь. У нас сорок минут.

— Мне нужно проверить презентацию для пятничного эфира.

— Она готова.

— На восемнадцатом слайде старая ссылка.

Он тихо выдохнул, но спорить не стал. Оператор попросился и ушел; администратор уже закрывала кабинеты.

Я села за рабочий компьютер и открыла общую папку нового курса. В ней лежали презентации, сценарии, согласования рекламы и таблица съемок на сентябрь. Доступ имели мы с Романом, продюсер Алина Громова, операционный директор Кирилл и двое сотрудников медиагруппы.

Ссылка на восемнадцатом слайде действительно вела на прошлогоднюю форму регистрации. Я заменила ее и нажала

«Сохранить». Рядом с презентацией появился файл, которого утром не было.

«Заявление_кризис_финал».

Я открыла его.

«В связи с эмоциональным истощением Арина Власова временно сократит участие в прямых эфирах и сосредоточится на индивидуальной практике. Все обязательства перед слушателями курса будут выполнены. Мы с Ариной проходим непростой семейный период, сохраняем уважение друг к другу и работаем над отношениями. На время восстановления Арины основную публичную коммуникацию берет на себя Роман Власов».

Ниже стояла дата предполагаемой публикации — девятое сентября. Через неделю.

Я перечитала текст. Потом открыла свойства файла. Документ создали в пятницу в половине двенадцатого дня и трижды редактировали сегодня. Автором значился Роман Власов.

Слова об истощении выглядели заботливо, но для практикующего психолога означали сомнение в способности работать. Если бы я возразила после публикации, протест легко выдали бы за признак того же состояния. Если бы промолчала, Роман получил бы право объяснять мое отсутствие столько, сколько сочтет нужным. Вероятно, файл оставили в общей папке потому, что сегодня я должна была уйти сразу после записи. Старая ссылка задержала меня на несколько

минут.

Я еще раз проверила дату создания.

Я вставила флешку, которую использовала для рабочих материалов, и сохранила копию вместе со сведениями о файле. Движения получались точными, привычными. Только со второго раза я попала курсором в нужную строку.

Дверь аппаратной открылась.

Роман успел снять пиджак и расстегнуть верхнюю пуговицу рубашки. В руке он держал чехол с костюмом для ресторана.

— Ты скоро?

Я развернула монитор к нему.

Он увидел документ и остановился.

— Объясни, — сказала я.

— Не здесь.

— Здесь уже никого нет.

— Арина, закрой файл.

— Он лежит в общей папке. У меня есть доступ. Что произойдет девятого сентября?

Роман проверил соседние помещения и запер дверь студии. Он не спросил, откуда взялся текст. Значит, прекрасно знал.

— Мы можем поговорить спокойно? — спросил он.

— Если ты будешь отвечать на вопросы.

— Я собирался все объяснить после годовщины.

— Какая забота.

Он поморщился.

— Не начинай.

— Я еще не начинала. Кто решил, что я эмоционально истощена и больше не могу выступать?

— Это рабочая страховка. Контракт большой, а ты последние недели сама говорила, что устала от эфиров.

— Я просила убрать один эфир по средам. Не передать тебе право говорить от моего имени.

— Никто не собирался лишать тебя права.

Я указала на последнюю строку документа.

— Тогда что это?

Роман сел напротив. Между нами стоял узкий стол с клавиатурой и двумя бутылками воды. Он потянулся к одной, отвинтил крышку, но пить не стал.

— Новый курс зависит от нас обоих, — произнес он тем голосом, которым обычно начинал трудный разговор с партнером. — От образа пары, которой доверяют. А у нас сейчас сложный период.

— Что именно в нем сложного?

Он провел большим пальцем по резьбе крышки.

— Я не хотел, чтобы ты узнала так.

— Это не ответ.

— У меня есть отношения.

За стеной продолжал работать кондиционер. На экране застыл документ, в котором мое отсутствие уже объяснили, оформили и назначили на конкретный день.

— С кем? — спросила я.

Роман поднял глаза.

— С Алиной.

Имя соединило командировки, ужины после встреч с партнерами и новую привычку класть телефон экраном вниз. Каждому эпизоду я принимала отдельное объяснение.

— Как давно?

— Это имеет значение?

— Для меня — да.

— Не одну неделю.

— Месяц? Полгода? Год?

— Арина, сейчас важнее решить, что мы делаем дальше.

Я сняла часы и положила рядом с клавиатурой. Передо мной сидел муж, а я по привычке готовилась выдерживать разговор как консультацию.

— Дальше ты отвечаешь, когда началась связь.

— Весной.

— В марте?

— Ближе к весне. Я не записывал дату.

— А заявление обо мне записал.

— Потому что компания не может жить твоими эмоциями.

— Я не так выразился.

— Ты выразился достаточно точно.

— Между нами давно нет того, что было раньше. Мы работаем, решаем вопросы Лизы, иногда ужинаем. Ты сама это

знаешь.

— Я знала, что мы устали. Не знала, что ты выбрал другую женщину и продолжаешь продавать наш брак.

— Курс строится на методике.

— Тогда почему мой уход угрожает контракту?

— Потому что партнер покупал парный формат, — сказал Роман. — Девять с половиной миллионов за производство, эфиры и продвижение. Четыре и восемь уже пришли на счет. Часть потрачена на студию, рекламу и авансы подрядчикам. Если мы сейчас объявим о разводе, придется возвращать деньги. Возможно, со штрафом.

— Ты знал об этом до подписания.

— Я рассчитывал, что мы сумеем вести себя как взрослые.

— Ты подписал договор, пока спал с продюсером, и теперь взрослое поведение требуется от меня?

Роман встал и прошел к фотографии с открытия центра. Лизе на ней было восемь.

— Я не прошу тебя простить меня, — сказал он. — И не предлагаю делать вид дома. Нам нужно шесть месяцев. Мы выпускаем курс, проводим заявленные эфиры, говорим, что работаем над отношениями. После этого спокойно разводимся и делим все без войны.

Я закрыла документ, но компьютер не выключила.

— Ты уже поговорил с ней о заявлении?

Роман ответил не сразу.

— Она продюсер. Ее задача — готовить варианты на слу-

чай кризиса.

— В свойствах файла указан ты.

— Потому что текст мой.

— Еще лучше.

— В центре двенадцать человек, — сказал он. — У них зарплаты, семьи, кредиты. Кирилл только подписал новый договор аренды. Если ты сейчас уйдешь, пострадают не только мы.

— Не используй сотрудников вместо аргумента.

— Это факт.

— Факт в том, что ты поставил компанию под риск и скрыл от меня причину.

— Компания подписала контракт, который зависит от нашей семейной лжи.

— От публичной истории. Мы давно несчастливы. Я встретил другого человека. Разрушать работающий бизнес в первый вечер глупо. Давай разделим личное и профессиональное.

— Ты уже их соединил. Без нашего брака контракт дешевеет, верно?

— Да.

— Значит, разделить не получится.

— Получится, если ты не будешь принимать решение в шоке.

Ресторан держал бронь еще пятнадцать минут. В багажнике лежал подарок Роману — редкое издание, которое он

искал почти год. Утром я собиралась прожить совсем другой вечер.

— Я приму решение сейчас, — сказала я. — Изображать примирение не буду. В совместных эфирах о семье участвовать не буду. Документы компании завтра посмотрит юрист.

— Какой юрист?

— Найду завтра.

Он поднялся так быстро, что стул ударился о стену, затем поправил его.

— Если ты выложишь что-нибудь сегодня, назад дороги не будет.

— Я ничего не собираюсь выкладывать сегодня.

— Тогда дай мне неделю подготовить сотрудников и посчитать возврат.

— Заявления о моем истощении не будет.

— Текст можно изменить.

— Его не должно быть.

Я вынула флешку, убрала ее во внутренний карман сумки и выключила компьютер. Роман проследил за движением.

— Ты скопировала файл?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы завтра он не исчез и ты не сказал, что я неправильно поняла.

— Я никогда не делал из тебя сумасшедшую.

— Тогда копия тебе ничем не мешает.

Он взял со спинки чехол с костюмом.

— Мы едем в ресторан?

Я несколько секунд пыталась понять, всерьез ли он спрашивает.

— Нет.

— Лиза знает о брони.

— Скажем, что планы изменились.

— Сегодня ей ничего не говори, — сказал он. — У нее завтра контрольная, а мы сами ничего не решили.

— Для себя я решила.

Он опустил руку.

— Ты подаешь на развод?

— Да.

Роман отвернулся. На этот раз он не стал спорить. Открыл дверь, включил свет в коридоре и подождал, пока я выйду.

Мы спустились на парковку разными лифтами. Я села в машину и только тогда вспомнила о ресторане. Позвонила, отменила бронь и извинилась перед администратором. После разговора пришло сообщение от Лизы: «Вы скоро? Я чай не пью, жду вас».

Я написала: «Еду. Папа тоже скоро будет».

Вечерний путь домой занял тридцать семь минут. На светофоре у Сенной я хотела позвонить маме, но она не должна была узнать раньше Лизы. Телефон остался лежать на соседнем сиденье.

Роман приехал через десять минут после меня. Лиза си-

дела в гостиной с ноутбуком и монтировала школьное видео. На столе стояли три чашки и коробка пирожных из кондитерской у школы.

— С годовщиной, — сказала она, не снимая наушников с шеи. — Я взяла ваши любимые. Только один помялся в автобусе, его отдам папе.

— Спасибо, — ответила я.

— А вы не в ресторане?

— Отменили.

— Поссорились?

В прихожей повернулся ключ. Роман вошел с чехлом для костюма и поставил его в шкаф.

— Рабочий вечер затянулся, — сказал он.

Лиза перевела взгляд с него на меня, но допрашивать нас не стала.

— Нам надо закончить один разговор, — сказала я. — Завтра утром мы с папой поговорим с тобой. Вместе.

Роман снял пальто медленнее обычного.

— Мам, у меня первый урок алгебра.

— Встанем на двадцать минут раньше.

— Звучит ужасно.

— Согласна.

Лиза унесла пирожные в холодильник и ушла в свою комнату. Через минуту из-за стены снова донесся голос из ее монтажной программы.

Роман подождал, пока звук станет громче.

— Ты могла не назначать разговор на утро.

— Нам сначала надо договориться, что говорить.

— Что мы разводимся и ты поживешь отдельно.

— Я не собирался съезжать завтра.

— Тогда выбери день. Неделю в одной квартире мы выдержим, полгода — нет.

— Ты снова решаешь за двоих.

— Решение о браке я принимаю за себя. Место для своих вещей ты выберешь сам.

— А если я не согласен на развод?

— Обсудим это в суде.

— У нас несовершеннолетняя дочь и общее ООО. По-другому быстро не получится.

— Хотя бы не говори о разводе публично, — произнес он.

— Пока мы не посчитаем последствия.

— Сегодня я ничего публиковать не буду.

— А завтра?

— Завтра я найду юриста и поговорю с Кириллом о счетах.

— Ты мне не доверяешь?

— Нет.

— Лизе не обязательно знать про Алину, — сказал Роман.

— Подробности ей не нужны. Ложь тоже.

— Если она спросит прямо?

— Ответим прямо.

— Ты настроишь ее против меня.

— Ты сам будешь сидеть рядом и сможешь говорить от своего имени. Моим больше не пользуйся.

Из комнаты Лизы донесся смех — короткий фрагмент записи повторился дважды, пока она резала дорожку. Роман посмотрел в сторону коридора.

— Дай мне хотя бы несколько дней, — сказал он тише. — Чтобы она не узнала одновременно со всеми.

— Именно поэтому мы поговорим утром. Лиза услышит о разводе от нас, а не из интернета.

Глава 2. Цена идеальной пары

В семь утра Роман уже сидел на кухне. Перед ним стояла чашка кофе, рядом лежал телефон экраном вниз. Я поставила чайник и открыла холодильник, хотя завтракать не хотела.

— Ты спала? — спросил он.

— Достаточно, чтобы помнить вчерашний разговор.

Он подвинул ко мне чашку, которую приготовил заранее.

— Давай сначала поговорим вдвоем.

— Вчера говорили два часа.

— Мы не решили, как сообщить Лизе.

— Скажем, что разводимся, ты переедешь и мы оба останемся ее родителями.

— Слишком жестко.

— Предложи правдивее.

Роман помолчал.

— У нас кризис, поэтому некоторое время проживем отдельно.

— Ты хочешь оставить ей надежду, которой нет у меня.

— Ты приняла решение несколько часов назад.

— После твоего признания.

В коридоре открылась дверь. Лиза вошла в кухню в школьных брюках и растянутой футболке, села на свободный стул и посмотрела на нас по очереди.

— Я поставила будильник, — сказала она. — Можно без

ожидания, пока я окончательно проснусь?

Роман взял чашку, но сразу вернул ее на стол.

— У нас с мамой сложный период.

— Это я поняла вчера.

— Мы решили пожить отдельно.

Лиза перевела взгляд на меня.

— На сколько?

— Мы будем разводиться, — ответила я.

Роман повернулся ко мне.

— Арина.

— Она спросила.

Лиза выпрямилась. Я ждала слез, злости, вопроса, что будет с квартирой. Вместо этого она взяла с тарелки сухое печенье, отломил край и положила обратно.

— Кто-то есть? — спросила она у отца.

— Лиз, взрослые отношения иногда заканчиваются по разным причинам.

— Я спросила не это.

Роман посмотрел на меня так, словно у нас еще оставалось общее решение. Я не собиралась сообщать дочери имя и срок связи, которых сама не знала, но поддерживать его ответ тоже не могла.

— Да, — сказала я. — У папы есть другая женщина.

Лиза перестала ломать печенье.

— Я ее знаю?

Роман ответил сам:

— Вы встречались на съемках. Это Алина.

— Та, которая просила меня улыбаться естественно девять дублей?

— Да.

— Отлично.

Она встала и пошла к двери.

— Лиза, подожди, — сказал Роман.

— У меня алгебра.

— Мы должны договорить.

— Вы уже договорили. Ты переезжаешь когда?

— Я подбираю квартиру.

— Когда?

— В ближайшие дни.

— Хорошо.

Она вышла в коридор. Через минуту хлопнула входная дверь — первый громкий звук за все утро.

Роман повернулся ко мне.

— Ты довольна?

— Чем именно?

— Ты получила прямой разговор. Теперь она меня ненавидит.

— Она узнала о твоём поступке и разозлилась. Это не одно и то же.

— Ты могла поддержать формулировку о кризисе.

— Вчера ты уже подготовил одну формулировку за меня. Больше не надо.

Он встал и налил кофе в дорожную кружку.

— В десять у нас встреча с Кириллом.

— Буду.

— До нее ничего не предпринимай.

— Я уже написала юристу.

Это было не совсем правдой. В половине шестого я отправила сообщение Вере Луниной с просьбой дать контакт специалиста по семейным и корпоративным спорам. Ответа пока не получила. Рассказывать Роману об этом различии я не стала.

После его ухода я позвонила Лизе. Она сбросила вызов и написала: «На уроке. Со мной все нормально».

Я ответила: «Заберу после школы, если захочешь. Напиши».

В восемь пятнадцать пришло сообщение от Веры: имя, номер и короткое предупреждение, что Дарья Белова не будет успокаивать меня вместо работы с документами. Именно это мне сейчас требовалось. Дарья назначила встречу на следующий день и попросила взять устав, договоры по квартире, выписки по долям и медиаконтракт.

К десяти я приехала в центр. Администратор поздоровалась привычно, однако задержала на мне взгляд. Вероятно, заметила, что мы с Романом вошли по отдельности. У двери студии стояли коробки с реквизитом для субботней съемки: плед, настольная лампа, одинаковые кружки и рамка с нашей семейной фотографией.

Алина утвердила концепцию месяц назад. Мы должны были провести выходной дома перед камерой, показать завтрак, прогулку и разговор о распределении семейных обязанностей. Лиза согласилась появиться в двух коротких сценах при условии, что съемка не затронет ее комнату и школу.

Я открыла семейный чат и увидела сообщение от нее, отправленное три минуты назад:

«На съемке меня не будет. Старые кадры со мной тоже не используйте. Папа, не звони сейчас».

Роман прочитал сообщение одновременно со мной. Он вышел из своего кабинета и остановился у коробок.

— Ты ей подсказала?

— Нет.

— Она не могла сама вспомнить про субботу.

— Ей пятнадцать, Роман. Она умеет пользоваться календарем.

— Согласие уже подписано.

— Мы проверим условия и уберем ее из новых материалов. Старые обсудим отдельно.

— Ты собираешься принимать за меня решения по проекту?

— Я собираюсь уважать решение дочери не сниматься после того, что она узнала.

Кирилл Туманов открыл дверь переговорной и попросил нас войти. Обычно он приходил на совещания с ноутбуком и одной страницей заметок. Сегодня на столе лежали распе-

чатанный контракт, выписки и таблица движения денег.

— Я не спрашиваю подробностей, — сказал он, когда мы сели. — Мне нужно понимать, продолжаете ли вы парный курс.

— Да, — ответил Роман.

— Нет, — сказала я.

Кирилл снял очки и протер стекло салфеткой.

— Тогда начнем с цифр.

Он развернул к нам таблицу. За август компания получила четыре миллиона восемьсот тысяч рублей аванса. Девятьсот двадцать тысяч ушли видеоподрядчику и площадке, шестьсот сорок — на рекламные размещения, еще часть закрыла работу сценаристов, аренду студии и производство материалов. На счетах оставалось три миллиона шестьсот двадцать тысяч, но из них через четыре дня предстояло выплатить зарплаты и страховые взносы, затем аренду и налоги.

— Свободными я назвал бы миллион двести, — сказал Кирилл. — И то при условии, что сентябрьская выручка по консультациям не упадет.

— Сколько придется вернуть? — спросила я.

— Зависит от того, что партнер примет как выполненную часть. По осторожной оценке — от трех миллионов ста до трех миллионов семисот. Плюс в договоре есть штраф, но юрист считает, что его можно обсуждать из-за изменения формата по соглашению сторон.

— Значит, продолжаем съемки, — сказал Роман.

— Значит, сначала выясняем, какие материалы можно сдать без ложного семейного сюжета, — возразила я.

Кирилл открыл приложение к договору. В нем было восемь учебных модулей, четыре прямых эфира, шесть рекламных роликов и три выпуска о семье авторов.

— Два учебных модуля записаны полностью, — сказал он. — Еще в трех готовы ваши отдельные блоки. Семейные выпуски не сняты. Если партнер примет пять методических частей, возврат будет меньше.

— Я закончу свои блоки, — сказала я. — Без совместных вступлений, обещаний примирения и съемок Лизы.

Роман откинулся на спинку стула.

— Парный курс без пары никому не нужен.

— Методика, по твоим словам, ценна сама по себе.

— Не передергивай.

— Я фиксирую условия своего участия.

Кирилл поднял ладонь.

— Мне нужно это письменно. От обоих. До тех пор новые платежи по медиапроизводству останавливаю, кроме уже подписанных обязательств. Зарплаты и текущая работа центра идут как обычно.

— У тебя нет права единолично останавливать расходы, — сказал Роман.

— Поэтому подготовлю временный регламент и принесу участникам на подпись. Если вы его не примете, любой спорный платеж зависнет на согласовании банка и бухгалтерии.

Я не дам никому вывести резерв под видом срочной съемки.

Роман посмотрел на меня.

— Ты успела настроить и его?

Кирилл вернул очки на место.

— Меня настраивает платежный календарь.

Я впервые за утро едва не улыбнулась.

Мы потратили еще час на перечень уже заключенных договоров. Каждая строка возвращала разговор из обиды к последствиям: зарплата монтажера, бронь площадки, рекламный пакет, который нельзя отменить без удержания. Роман предлагал закончить все по первоначальному плану. Я соглашалась сдавать только те материалы, где говорила как специалист и могла отвечать за содержание.

— Ты понимаешь, как это будет выглядеть? — спросил он, когда Кирилл вышел сделать копии. — Мы продаем курс об отношениях и одновременно разводимся.

— Именно поэтому изображать успешное примирение нельзя.

— Людям не нужна наша исповедь. Им нужен результат.

— Тогда пусть оценивают результат работы, а не наш брак.

— Ты рассуждаешь так, словно бренд появился без меня.

— Он появился благодаря нам обоим. Поэтому ты не можешь использовать мое лицо и согласие после отказа.

— И ты не можешь остановить компанию, потому что обиделась.

— Я останавливаю только свое участие в семейной постановке.

Кирилл вернулся с документами, и разговор закончился. Мы подписали протокол разногласий: парные съемки приостановлены, индивидуальные учебные блоки продолжают после согласования, материалы с Лизой не выпускаются до проверки согласий. Это не решало вопрос с контрактом, но оставляло след, который нельзя было заменить устной версией.

В коридоре меня догнала администратор.

— Арина Сергеевна, субботнюю смену операторов отменять?

— Пока да. Кирилл пришлет подтверждение.

— А семейный эфир в пятницу?

— Его не будет.

Она кивнула и ушла к стойке. Через пять минут об отмене знала вся медиагруппа, еще через десять двое консультантов спросили Кирилла, задержат ли зарплату. Угроза, которая утром существовала в таблице, получила свидетелей.

В половине второго Лиза написала, что поедет домой сама. На вопрос, пообедала ли она, ответила фотографией школьной булочки и подписью: «Не начинай контролировать еду, пожалуйста».

Я позвонила ей после последней консультации.

— Я не буду спрашивать, почему ты не отвечаешь папе,
— сказала я. — Хочу уточнить про съемки. Ты отзываешься

согласие на новые кадры?

— Да.

— Старые ролики уже опубликованы. Мы проверим, что можно убрать, но это займет время.

— Хорошо.

— Ты хочешь поговорить с кем-то кроме меня?

— Сейчас нет.

— Если передумаешь, найдем человека, который не работает у нас.

— Мам, я не сломалась.

— Я знаю.

— Папа звонил четыре раза.

— Ты можешь ответить, когда будешь готова.

— Сегодня не буду.

Она отключилась первой.

Роман вечером не вернулся к ужину. Прислал сообщение, что смотрит квартиры и останется у знакомого. Я не спрашивала у какого. Так первая ночь порознь случилась раньше, чем у Романа появился постоянный адрес.

Перед сном Дарья Белова подтвердила встречу на десять утра и прислала список документов. Я открыла домашний сейф, достала свидетельство о браке, бумаги на квартиру и папку с корпоративными выписками. Рядом лежали наши старые загранпаспорта и детский рисунок Лизы, который Роман зачем-то хранил среди договоров.

Рисунок я оставила на месте. Документы сложила в от-

дельную сумку.

Глава 3. Раздельные адреса

Дарья Белова не предложила мне кофе и не спросила, как я держусь. Она проверила паспорт, открыла свидетельство о браке и уточнила дату рождения Лизы.

— Пятнадцать, — сказала я. — В январе будет шестнадцать.

— С кем она остается сейчас?

— Со мной в квартире. Роман ищет жилье.

— Он согласен, что дочь живет с вами?

— Вчера говорил, что не собирается ее забирать.

Дарья подняла глаза от документов.

— Вчерашние слова в кухне мы не называем соглашением. Но и начинать войну там, где ее пока нет, не будем.

Кабинет у нее был маленький: два стула для посетителей, шкаф с кодексами, принтер на отдельной тумбе. На стене висели только часы и диплом. Контакт Вера дала со словами «она возвращает людей к фактам». Уже через пять минут я поняла, что это не комплимент и не предупреждение, а описание рабочего метода.

— Я хочу подать на развод, — сказала я. — И защитить долю в компании.

— Это две связанные задачи с разными процедурами. Начнем с брака. При общей несовершеннолетней дочери развод проходит через суд. Если спора о месте проживания

и содержании не будет, процесс проще, но не мгновенный. Муж может просить срок для примирения. Суд вправе его дать.

— Я не передумаю.

— Я говорю о сроке суда, а не о ваших чувствах.

Она достала чистый лист и написала четыре пункта: расторжение брака, дочь, имущество, компания.

— По Лизе нужны предложения о проживании, общении и расходах. В пятнадцать лет ее мнение имеет значение. Не просите ее подписывать позицию сегодня и не репетируйте ответы.

— Я не собиралась.

— Хорошо. По квартире: приобретена в браке, ипотека погашена, брачного договора нет. По ООО у каждого зарегистрировано по половине?

— Да.

— Кто директор?

— Я директор практики. В реестре генеральным директором указан Роман. Операционную работу ведет Кирилл по доверенности и внутренним полномочиям.

Дарья провела линию между словами «квартира» и «ООО».

— Тогда не пишите заявление об уходе, не отдавайте долю и не подписывайте соглашение без оценки. Доступ директора шире вашего, но доля и совместно нажитое имущество не исчезают от его подписи. Нам нужны свежая выписка из ре-

естра, устав, протоколы, бухгалтерская отчетность, кредитные обязательства, договор аренды, договор с медиапартнером и данные по товарному знаку.

— Большая часть у меня есть.

— Остальное запросите как участник общества. Письменно.

Я положила на стол флешку.

— Здесь заявление, которое Роман подготовил от моего имени.

— Отдельный носитель оставьте у себя. Пришлите копию через защищенный канал, я зафиксирую получение. Оригинал корпоративного файла не меняйте. Кто имел доступ?

Я перечислила сотрудников.

— Значит, пока не называем это взломом или подделкой, — сказала Дарья. — Документ не опубликован, подписи вашей нет. Он важен как признак заранее подготовленной публичной версии и как предмет переговоров. Для суда о разводе измена и этот текст не обязательны.

— Я не собираюсь доказывать суду, что имею право уйти.

— Тогда мы сэкономим много времени.

Она рассчитала стоимость работы: сто двадцать тысяч рублей аванса за подготовку и ведение дела с переговорами, отдельно нотариальные расходы и оценка. Предварительный отчет по квартире и доле мог стоить еще от шестидесяти до ста двадцати тысяч в зависимости от объема документов.

Я перевела аванс со своего счета. Из миллиона восьмисот

пятидесяти тысяч накоплений сразу исчезла сумма, которую раньше я бы обсуждала с мужем. Теперь сообщение банка увидела только я.

В заметках я сразу разделила оставшиеся деньги: семьсот пятьдесят тысяч не трогать без крайней необходимости, остальное оставить на оценку, аренду кабинета и переезд практики, если договориться с Романом не получится. Плана нового центра у меня пока не было. Был только предел, после которого экономия превращалась бы в риск для Лизы и работы.

— Иск подготовлю к понедельнику, если сегодня получу документы, — сказала Дарья. — Подаем по месту, которое определим после проверки. До этого не меняйте замки в квартире, не перекрывайте Роману доступ к личным вещам и не выводите деньги компании.

— А если он выведет?

— Фиксируем остатки и вводим разумный порядок согласования. У вас уже есть операционный директор. Магической кнопки «заморозить все» нет, пока нет основания и решения. Резкая блокировка остановит зарплаты вместе с сомнительными платежами.

— Он предлагает продолжить курс.

— Он может предлагать. Вы отвечаете письменно и по пунктам. Чем меньше в деловой переписке слов про предательство, тем легче потом отличить корпоративный спор от семейного.

После встречи я отправилась в центр. Кирилл ждал в переговорной с проектом временного регламента. Расходы до ста пятидесяти тысяч по утвержденному бюджету он проводил сам. Все, что превышало порог или относилось к медиапроизводству, требовало письменного согласования обоих участников. Зарплаты, налоги и аренда шли по существующему календарю.

— Роман подпишет? — спросила я.

— Ему тоже выгодно, чтобы вы не вывели резерв, — ответил Кирилл.

— Я не собираюсь.

— Он говорит то же самое о себе. Поэтому у нас будет документ.

Роман вошел через несколько минут. Прочитал регламент, потребовал увеличить предел до трехсот тысяч и убрать согласование расходов по уже подписанным рекламным договорам. Мы спорили сорок минут и остановились на двухстах тысячах с отдельным перечнем обязательных платежей.

— На месяц, — сказал он, ставя подпись. — Потом пересмотрим.

— Через месяц у нас будет больше данных, — согласилась я.

Кирилл подписал документ как ответственный за исполнение и направил его бухгалтерии и банку в пределах уже настроенных прав. Мы не получили возможность запрещать

друг другу каждый перевод одним сообщением. Зато любые новые траты на семейную съемку теперь оставляли понятный след.

Затем мы провели инвентаризацию доступов. Сотрудник по информационной безопасности выгрузил список учетных записей в корпоративных сервисах. Клиентское хранилище, расписание, бухгалтерия, медиапапки и рекламные кабинеты существовали отдельно. Я не просила закрыть Роману клиентскую базу: как руководитель компании он имел служебный доступ в установленных пределах. Мы включили двухфакторную защиту там, где ее до сих пор откладывали, и запретили общие пароли.

— Вы решили устроить аудит из-за одного файла? — спросил Роман, когда специалист ушел.

— Из-за того, что доверия больше нет.

— Доступы компании не принадлежат нашему браку.

— Именно поэтому их надо оформить нормально.

Он положил передо мной лист с цифрами.

— Я тоже поговорил с юристом.

В предложении было три пункта. Роман выплачивал мне шесть с половиной миллионов за долю в течение года. Я оставалась в квартире с Лизой до ее совершеннолетия, но право собственности мы пока не делили. Взамен я продолжала записанные эфиры и до конца медиаконтракта не делала публичных заявлений о разводе.

— Нет, — сказала я.

— Ты даже не посчитала.

— Квартиру ты мне не оставляешь. Ты разрешаешь два года жить в общем имуществе. Стоимость доли взял из головы. Молчание привязал к выплатам.

— Это начальная позиция.

— Моя начальная позиция — независимая оценка.

— Оценщик будет разбирать клиентскую базу и обороты. Слухи уйдут на рынок.

— Дарья подберет специалиста с договором о конфиденциальности.

— Дарья. Уже по имени?

— Моего адвоката зовут Дарья Белова. Привыкай, вы будете переписываться.

Роман смял угол собственного предложения, потом разгладил его.

— Если все начнут зарабатывать на нашем разводе, денег на раздел останется меньше.

— Поэтому лучше было не создавать ему такую сложную основу.

— Ты собираешься отвечать этим на каждую фразу?

— Нет. Дальше ответит юрист.

К вечеру Дарья получила документы. В пятницу она прислала проект иска и два варианта соглашения о Лизе. Я исправила адрес школы, убрала из графика жесткое деление праздников через год и предложила сначала сохранить привычные занятия дочери. Лиза по вторникам ходила на ан-

глийский, по четвергам занималась монтажом в школьной студии, по субботам встречалась с подругами. Перестраивать ее неделю под удобство взрослых я не хотела.

Роман прислал замечания через Дарью. Он согласился, что Лиза живет в квартире со мной, попросил два вечера в неделю и половину каникул. Отдельно написал мне: «Мы могли обсудить это без посредников».

Я ответила: «Расписание Лизы можем. Имущество и бизнес — через юристов».

В субботу он приехал за одеждой и документами. Я заранее составила список, но дверь открыла своим ключом. Менять замок не стала. Лиза ушла к подруге за час до его приезда.

— Она избегает меня, — сказал Роман, складывая рубашки в чемодан.

— Она взяла время.

— Ты говоришь как на консультации.

Я села на край кресла и заставила себя ответить проще:

— Она злится. Я тоже.

— Так понятнее.

Он забрал половину одежды, ноутбук, часы отца и коробку с личными бумагами. Книги и остальное договорились разобрать позже. Перед уходом положил на комод связку запасных ключей.

— Квартиру снял на месяц, — сказал он. — На улице Белинского. Если Лиза захочет прийти, там есть отдельная

комната.

— Пришли адрес ей сам.

— Она не отвечает.

— Тогда одним сообщением. Без просьбы срочно перезвонить.

— Советов не будет, помнишь?

— Это про нашу семейную жизнь. Ее общение с тобой касается ее безопасности.

Он убрал руку с ручки чемодана.

— Я не опасен для собственной дочери.

— Я этого не говорила. Ей нужно знать, где ты живешь.

Роман взял чемодан и вышел. Через десять минут Лиза прислала мне снимок его сообщения. Адрес, номер квартиры и фраза: «Буду рад тебя видеть, когда захочешь». Она спросила: «Нормально, если я пока не хочу?»

Я написала: «Нормально. Но ответь, что получила адрес».

В воскресенье вечером она отправила отцу одно слово: «Получила». В понедельник, пока Дарья подавала иск, Лиза сама позвонила ему после школы. Разговор длился семь минут. Она закрылась в своей комнате, и я не пыталась слушать.

В тот же день на рабочую почту пришло письмо из реабилитационного центра «Опора». Директор Елена Зорина просила до среды подтвердить, состоится ли совместная программа для родственников пациентов. Внизу стояла приписка: из-за публичных слухов проектный совет хочет повторно

обсудить формат и риски.

Ни одного публичного заявления я еще не сделала. Значит, кто-то уже сделал его за меня.

Глава 4. Человек, который не верит психологам

До «Опоры» я ехала сорок минут. Из дома выехала с запасом, но на Казанском шоссе перекрыли одну полосу, и последние два километра навигатор обещал быстрее пройти пешком. Я припарковалась во дворе соседнего здания и вошла в реабилитационный центр за пять минут до встречи.

Елена Зорина ждала у стойки регистрации. Мы виделись трижды: на переговорах, подписании договора и экскурсии по центру. Она руководила «Опорой» восемь лет, говорила спокойно и никогда не начинала рабочую встречу с любезностей, если была проблема.

— Спасибо, что приехали, — сказала она. — Совет собрался в малой переговорной.

— Кто участвует?

— Я, руководитель реабилитационной службы, юрист и координатор семейных программ. Сразу уточню: ваш договор никто не расторг. Мы обсуждаем публичный формат и методику.

— Из-за слухов о моем разводе?

— Из-за того, что ваша программа продавалась нам вместе с репутацией центра «Вместе». Вчера в профессиональном чате появился вопрос, продолжает ли ваша семья вести

общий курс. У нас пациенты и родственники, которым меньше всего нужен чужой скандал в кабинете.

— В кабинете его не будет.

— Тогда покажите это совету.

В переговорной сидели трое. Координатора Наталью я знала по переписке, юриста видела при подписании. Незнакомый мужчина закрыл папку с моими материалами и поднялся.

— Максим Орлов, — представился он. — Руководитель службы реабилитации.

Ему было около сорока пяти. Темные волосы коротко подстрижены, на висках заметна седина. Он был без халата, в обычной синей рубашке с закатанными рукавами. Рукопожатие короткое, взгляд внимательный и совершенно лишенный узнавания.

Мою фотографию печатали в рекламе по всему городу. Максим Орлов либо не видел ее, либо считал это несущественным.

— Арина Власова.

— Знаю. Я прочитал программу.

По тону это не звучало похвалой.

Мы сели. Елена сразу открыла повестку: шесть просветительских модулей для родственников пациентов после инсультов, тяжелых травм и операций; закрытые занятия в центре; два открытых вебинара; методические памятки. Медицинскую информацию давали специалисты «Опоры», психо-

логическую часть готовила я.

— Начнем с границ, — сказал Максим. — В третьем модуле написано, что семья за шесть недель сможет восстановить устойчивое взаимодействие. Что вы называете восстановлением и чем измеряете?

— Участники составят распределение обязанностей, освоят правила обсуждения нагрузки и план обращения за помощью.

— Это действия. В тексте обещан результат для отношений.

— Формулировку можно уточнить.

— Ее уже утвердили в рекламной версии.

— Открытые вебинары еще не анонсированы.

— Я спрашиваю, почему обещание появилось.

Мне не понравилось, что человек, которого я видела впервые, читал мой текст как показания. Еще меньше понравилось, что вопрос был справедливым.

— Мы адаптировали описание из общего курса, — ответила я. — Там речь шла о парах без тяжелой медицинской ситуации. Для этой программы перенос получился слишком прямым.

— Кто адаптировал?

— Я отвечаю за методическую часть. Значит, моя ошибка. Максим сделал пометку на распечатке.

— Хорошо. Второй вопрос. В примере на странице девять родственник должен «вернуть пациенту мотивацию». Каким

способом?

— Он может поддерживать участие в согласованном плане и не подменять человека в том, что тот способен делать сам.

— Тогда почему написано «вернуть мотивацию»? Семьи читают это как обязанность убедить больного хотеть выздоровления. Потом мать взрослого пациента считает себя виноватой, если тот отказывается от занятия из-за боли или депрессии.

— Депрессию оценивает врач.

— Именно. А родственник не должен делать вывод, что плохо старался.

Юрист перестал листать договор. Наталья внимательно смотрела на нас. Я поняла, что встреча давно перестала быть обсуждением моего развода. Максим проверял программу, которую, возможно, следовало так проверить еще до подписания.

— Эту формулировку убираем, — сказала я. — Заменяем на конкретные действия в пределах рекомендаций команды.

— Предложите текст.

Я открыла ноутбук.

— «Родственник поддерживает согласованный режим и сообщает команде об изменениях, но не отвечает за желание и эмоциональное состояние другого взрослого человека».

— Длинно, — сказал Максим.

— Зато честно.

— Согласен.

Он впервые посмотрел на меня без ожидания следующей ошибки. Это длилось секунду, потом перевернул страницу.

Следующие сорок минут мы разбирали программу по пунктам. Он спрашивал, кто ведет группу, куда направляют участника при признаках кризиса, как мы отделяем просвещение от индивидуальной помощи. Я объяснила, что занятия не заменяют консультацию, диагнозы публично не обсуждаются, а личные вопросы участники адресуют специалисту отдельно и только по собственной инициативе.

— Запись занятий ведется? — спросил юрист.

— Нет. Для методической оценки используем анонимную обратную связь и наблюдение второго ведущего. Если понадобится видеозапись учебной группы, будет отдельное согласие, но в пилоте я ее не предлагаю.

— Примеры из вашей практики? — спросил Максим.

— Специально написанные ситуации. Истории клиентов я не использую.

— Даже обезличенные?

— Обезличивание не всегда защищает человека, особенно если случай редкий. Нам достаточно учебных примеров.

Он записал ответ. Я заметила на его листе аккуратную колонку: вопрос, риск, решение, ответственный. Ни одного замечания о моей семье там не было.

Елена подвела итог:

— Публичные вебинары пока откладываем. Закрытый пи-

лот проводим через две недели, если методика будет исправлена к пятнице и пройдет внутреннее согласование. Оплату следующего этапа переносим до приемки.

Мне предстояло за два дня переделать почти треть программы. Двести восемьдесят тысяч по договору задерживались минимум на неделю, а аренда временного кабинета уже становилась вероятной.

— Согласна, — сказала я.

— Вы можете взять время на изучение протокола, — заметил юрист.

— Условия понятны. Пришлите протокол сегодня, замечания дам письменно.

Максим закрыл папку.

— Есть еще вопрос о ведущих. Вы планировали часть занятий вместе с Романом Власовым.

— В медицинском центре он участвовать не будет.

— Это ваше решение или согласованное изменение договора?

— Мое решение о собственной работе. Изменение договора оформим с компанией. Содержательную часть, за которую отвечал Роман, я либо передам другому специалисту с согласованием, либо уберу.

— У вас есть полномочия?

— На методику — да. На договор от имени ООО — совместно с генеральным директором и в пределах корпоративного порядка. Сегодня направлю предложение.

— Если он не согласится?

— Тогда проект остановится. Я не приведу сюда семейный конфликт ради оплаты.

Елена сцепила руки на столе.

— Нас устроит только письменное подтверждение. До него вы работаете над материалами без доступа к пациентским данным и расписанию групп.

— Доступ к данным мне и не нужен.

— Хорошо.

Совещание закончилось без рукопожатий на камеру и обещаний, что все обязательно получится. Наталья проводила юриста, Елена задержалась у телефона. Максим собрал распечатки в папку.

— Вы всегда разговариваете с подрядчиками как на комиссии? — спросила я.

— Только когда подрядчик обещает за шесть недель исправить то, с чем семья живет месяцами.

— Я признала формулировку ошибочной.

— Поэтому пилот остался.

— А до признания вы собирались его отменить?

— Я предлагал сначала проверить. Известность не заменяет проверку.

— Я на нее и не ссылалась.

— Сегодня нет.

Раздражение вернулось.

— Вы нашли мои старые выступления?

— Посмотрел два. В одном ваш муж трижды упомянул число подписчиков, отвечая на вопрос о результате курса. Вы не возразили.

— Значит, одобрила?

— Значит, у меня появился вопрос.

Он говорил без насмешки. Спорить с тоном было невозможно, оставалось спорить с содержанием.

— Два года назад я считала, что широкая аудитория дает проекту устойчивость, — сказала я. — Сейчас вижу цену некоторых упрощений.

— Из-за развода?

— Из-за того, что упрощение перестало быть только рекламным.

Максим кивнул, принимая ответ без попытки меня утешить.

— Пилот будет сложнее обычного семинара. В группе семь семей с разными ситуациями. Я пришлю только организационные данные и медицинские ограничения, которые ведущим нужно знать. Личные истории заранее не получите.

— Они мне не нужны. Веду общие навыки, индивидуальные вопросы останавливаю.

— Посмотрим.

— Вы часто заканчиваете договоренности этой фразой?

— Когда результат еще не получен.

— Очень ободряет.

— Это не входило в мою задачу.

Он взял папку и вышел. Елена, закончив разговор, подошла ко мне.

— Не принимайте лично. Максим одинаково проверяет всех.

— Я не нуждаюсь в скидке из-за личной ситуации.

— Тогда вы сработаетесь.

— Такой вывод после одного совещания противоречит его подходу.

Елена улыбнулась.

— Справедливое замечание.

В выделенном мне кабинете я провела два часа над третьим модулем. Убрала обещание восстановить взаимодействие, добавила границы ответственности родственника и схему обращения к специалистам. Несколько абзацев пришлось переписать полностью. Развод не сделал текст слабее или сильнее. Ошибка существовала независимо от него.

В два часа пришло письмо от Дарьи: иск принят к обработке, копия будет направлена Роману после регистрации. Следом Кирилл подтвердил, что Роман согласовал мое единоличное ведение закрытого пилота при условии, что компания сохраняет оплату и права на созданные материалы.

Я попросила уточнить права на будущие переработки. Через полчаса получила раздраженное сообщение от Романа: «Ты сейчас торгуешься за каждую строчку, пока общий бизнес теряет деньги».

Я ответила: «Поэтому права должны быть записаны».

До дома добралась к шести. Лиза сидела на кухне с учебником и разговаривала по видеосвязи с подругой. Увидев меня, она закончила звонок.

— Папа прислал цветы в школу, — сказала она.

— Тебе понравилось?

— Нет. Все спросили, что случилось.

— Ты ему сказала?

— Написала, чтобы больше так не делал. Он ответил «понял».

Я поставила сумку на стул.

— Хочешь, чтобы я вмешалась?

— Уже вмешалась сама.

— Хорошо.

Она вернулась к учебнику. Через минуту протянула мне телефон. На экране был пост Романа, опубликованный десять минут назад под нашей общей фотографией.

«У каждой крепкой пары бывают сложные периоды. Мы с Ариной продолжаем работать, бережно относимся к семье и проходим этот путь вместе. Спасибо всем, кто уважает наше право на тишину».

Под текстом быстро появлялись сердечки и пожелания сохранить любовь.

— Вы проходите путь вместе? — спросила Лиза.

— Нет.

— Тогда почему он так написал?

На этот вопрос у меня был ответ. Роман начал выполнять

свой план без моего согласия.

Глава 5. Публичная версия

К утру пост Романа собрал больше четырех тысяч отметок. Самыми частыми были пожелания беречь любовь и просьбы провести эфир о том, как специалистам удастся спасти собственный брак.

Я прочитала первые двадцать комментариев и закрыла страницу.

— Ты ему ответишь? — спросила Лиза.

Она собиралась в школу у зеркала в прихожей и пыталась одновременно завязать волосы и проверить расписание.

— Сначала поговорю с юристом.

— Пока ты говоришь с юристом, он уже всем сказал, что вы вместе.

— Я вижу.

— В классе тоже видят.

Она затянула резинку сильнее, чем требовалось, распустила хвост и начала заново.

— Тебя спрашивали?

— В чате. Я ничего не ответила.

— Можешь сказать, что не обсуждаешь семью.

— Это ваша любимая фраза. После нее все решают, что угадали правильно.

Я не нашла ответа, который помог бы ей сегодня. Лиза забрала рюкзак и ушла, отказавшись от поездки на машине.

В половине девятого позвонила администратор центра.

— Арина Сергеевна, клиентка на десять просит отменить прием. Говорит, что вернется позже.

— По правилам отмены?

— Да. И еще двое спрашивали, ведете ли вы консультации вместе с Романом Викторовичем.

— Совместные приемы мы пока не проводим. Мои индивидуальные остаются в расписании.

— Что отвечать про семейные консультации?

У нас с Романом было шесть пар, которых мы иногда принимали вдвоем. После признания я не могла делать вид, что профессиональный союз продолжается как прежде.

— Новые совместные не записывать. По текущим я сегодня свяжусь с коллегами и предложу передачу.

— А причину?

— Изменение рабочего формата.

Я позвонила Вере Луниной и попросила перенести супервизию на утро. Она нашла сорок минут между встречами и предупредила, что полноценной сессии не получится.

Кабинет Веры находился в старом доме на Ильинской. Я приехала с распечаткой поста, списком отмен и тремя вариантами собственного заявления. Она прочитала их, отложила и спросила:

— Что вы хотите получить от публикации?

— Остановить ложь.

— Как вы поймете, что остановили?

— Люди будут знать, что мы разводимся.

— Все люди?

— Те, кто видит страницу центра и покупает курс.

— Тогда скажите им факт. В первом варианте у вас восемь абзацев объяснений, почему хороший психолог может развестись. Во втором — скрытое обвинение Романа. В третьем вы обещаете сохранить уважение, которого сейчас не чувствуете.

Я посмотрела на третий текст. Фраза действительно стояла во втором предложении, потому что так было принято сообщать о разводах публично.

— Без нее заявление выглядит агрессивным.

— Или коротким. Решение принимаете вы. Я только обращаю внимание, что вы снова пытаетесь написать правильную реакцию раньше честной.

— Если я напишу от злости, пост останется навсегда.

— Поэтому у вас есть юрист и время до вечера. Вы спали четыре часа, отменили обед и поставили пять консультаций на завтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.